

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ /
REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

СТОИКИ КАК НАСТАВНИКИ
И ВОСПИТАТЕЛИ ЮНОШЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКИ
КОНЦА XVIII – XIX ВВ.)

Д. С. ПОПОВ
Санкт-Петербургский государственный университет
Evseviy-Dan@yandex.ru

DANIL S. POPOV

St. Petersburg State University (Russia)

STOICS AS MENTORS AND EDUCATORS OF YOUTH IN THE RUSSIAN EMPIRE (BASED ON MATERIALS OF THE RUSSIAN PERIODICALS OF THE LATE 18TH – 19TH CENTURIES)

ABSTRACT. The article examines examples of the use (or consideration of the possibility of such using) of the Stoic legacy in upbringing and education of children, drawing on materials of Russian periodicals of the late 18th – 19th centuries. Although children's journals *Detskoe chtenie dlja serdca i razuma* (the end of the 18th century) and *Semejnye vechera* (the middle of the 19th century) paid attention to the Stoics, they received a systematic representation on the pages of the periodicals of the Noble Boarding School at the Moscow University such as *Poleznoe uprazhnenie junoshestva* (1789), *Utrennjaja zarja* (1800–1808), *I otдых v pol'zu* (1804), *Kalliopa* (1815–1820), where translations of various Stoic and stoicizing texts were published. One can suppose that this fact may have influenced the formation of certain behavioral ideals of pupils. The surge of interest of the Russian public in the Stoics in the last quarter of the 19th century led to consideration of the possibility of including literature about the Stoics in the educational process, as well as rose questions about Stoic philosophy as an alternative to Christian pedagogical ideals and original system of self-education. Reflections on justification of such steps are presented in *Narodnaja i detskaja biblioteka* and *Obrazovanie*. It is possible that an analysis of the phenomenon of the demand for Stoic philosophical strategies in the Russian Empire could contribute to solving the problem of contemporary Russian society's search for value basis for education and upbringing.

KEYWORDS: Stoa, Stoic philosophy, Stoicism, upbringing, traditional values, modern stoicism.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01129. The research is funded by Russian Science Foundation No. 23-28-01129.

Стоическая традиция в своей скрытой форме без преувеличения является константой для культуры западного мира. Свидетельством этого выступают формы её эксплицитного выражения, самые заметные из которых это неостоицизм XVI—XVII вв. наряду с современным стоическим движением. В этой статье мы хотели бы обратить внимание на отдельную сферу жизни дореволюционной России, в которой открытое обращение к стоическому наследию оказалось неожиданным образом востребовано. Речь идет о сфере образования и воспитания детей. К концу XIX века, когда наблюдался всплеск интереса образованной публики к стоикам, применение в этой области стоических философских стратегий не только имело свою историю воплощения на русской почве, но и не теряло текущей актуальности. Вспомним в этой связи разговор А. Л. Толстой¹ с крестьянкой А. Воробьевой в 1910 году. «Что вы грустите, — сказала нам Аннушка, не надо грустить. Вот, небось, нет у вас Марка Аврелия? Почитали бы, вся тоска бы и прошла». — «Какого Марка Аврелия? — удивленно спросила я, не понимая, о чём она говорит, и никак не думая, что мысли римского мудреца могут быть известны ей». — «А вот книжечка есть такая, мне граф дал. Марк Аврелий называется. Мне, как делается скучно², или Никита запьет, или хлеба нету, или ещё там что, я сейчас достаю эту книжечку, посажу ребят: “Петька, читай”. И так хорошо на душе делается, что всё забудешь» (Гаврилов 1993, 173). Этот пример достаточно специальный, однако так или иначе такая ситуация могла возникнуть лишь как итог активно развивавшегося стоиковедения, роста интереса образованных кругов к античному наследию и некоторого ослабления Церкви и веры, все ещё занимавшей тогда твердые позиции основания для государственной идеологии и определявшей мировоззренческие установки общества. Конечно, для православного христианина, исповедующего бесконечную высоту христианской морали, обращение к древним языческим философам за воспитательным идеалом должно было выглядеть (и выглядело) неоправданным (Острогорский 1893, 229). Однако данный феномен всё же имел место, и в этой связи было бы небезынтересно показать, как в России пытались использовать идеи стоиков в этом ключе. Для этого мы проанализируем некоторые публикации на эту тему в отечественной периодике конца XVIII—XIX вв. Работа именно с периодическими изданиями даёт репрезентативный материал, не только отражавший, но и формировавший интересы широкой публики.

¹ Дочери графа Л.Н. Толстого.

² Здесь «скука» в устаревшем значении – тоска, грусть, томление горем и печалью.

Стоики на станицах «Детского чтения для сердца и разума». Известно, что в России XVIII столетия интерес к проблемам воспитания по целому ряду причин был весьма велик. Закономерно, что периодика того времени выражала эту заинтересованность. Можно сказать, что ведущая роль здесь принадлежала изданиям Н.И. Новикова, а именно первому в России журналу для детей «Детское чтение для сердца и разума». С 1785 по 1787 гг. восходящие к античности философские сюжеты занимали там важное место. Вместе с тем специфика издания диктовала особые требования к их содержанию: оно хотя и носило нравоучительный характер, но соизмерялось возрасту, силам и «понятию» детей (Благородному 1785, 5). Вероятно, поэтому большая часть философских сюжетов в журнале оказалась связана с Сократом, фигурой которого открывается раздел «Примеры великих людей из истории». Примечательно обоснование: Сократ «в своё время был весьма благоразумный человек» (Примеры великих 1785, 146). Эта характеристика, на наш взгляд, отражает преимущество сюжетов о Сократе именно в детском журнале: максимально возможная философская «нейтральность», весьма удобная и благонадежная для трансляции позитивных идеалов детям. Во-первых, Сократ жил задолго до Христа (этого нельзя сказать, например, о римских стоиках), и в этом смысле от него нельзя требовать слишком многого. При определённой доле благожелательности его можно даже считать «христианином до Христа». Во-вторых, образ Сократа оказался связан почти исключительно с вопросами добродетели — предметом благодарным с точки зрения педагогики. В-третьих, Сократ, который « всю свою мудрость полагал в признании, что он ничего не знает » (Примеры великих 1785, 147), был мыслителем, чье любознательное не ограничивалось доктринальными рамками. Следовательно, он не был связан с неприемлемыми физическими или теологическими учениями. Напротив, указания на его критику народной религии или на выражение им надежды посмертия могли с готовностью приниматься.

Первый посвящённый Сократу этюд в журнале представляет происходящую от него традицию в том же свете: «Ученики Сократовы написали то, что учитель их преподавал изустно. Мало по малу произошли разные философские училища, в которых особливо вперяемо было в молодых людей то правило, что без правды и добродетели человек не может надеяться блаженства» (Примеры великих 1785, 152). В последующих выпусках журнал приводил короткие нравоучительные истории из жизни Платона, Антисфена, Диогена Синопского, Эвклида, Ксенофона, Протагора, Демокрита, греческих мудрецов и т.д. Встречается в этом ряду и короткая заметка «Примеры чрезвычайной охоты к учению. Из древней истории», в которой идёт речь и о первом

схолярхе Стои Зеноне и его будущем приемнике Клеанфе³. В этом пересказе известного сюжета они фигурируют не как стоики⁴, но как «мудрец Зенон» и «молодой афинянин Клеанф». Последний «имел тупое понятие и при том был весьма беден» (Примеры 1785, 186), но непременно желал учиться у Зенона. Посещая его днём, он добывал по ночам тяжёлым трудом деньги на пропитание, тем самым вызвав подозрения горожан, которые призвали его к ответу об источнике заработка. Когда Клеанф объяснился, «судьи весьма тронуты были столь благородною привязанностью к учению, и согласились между собой подарить ему тысячу рублей. Но учитель его Зенон запретил ему принять сей подарок. А для чего? — Об этом пусть молодые наши читатели сами подумают» (Примеры 1785, 187). В остальном, что касается стоиков, то на страницах журнала они встречаются, насколько можно судить, через отсылку к римским республиканским героям (журнал вспоминает среди выдающихся римских мужей «непобедимого Катона⁵, до крайности добродетельного» (Зима 1787, 199), а также опосредованно, например, через отсылки к «стоической независимости».

Представление стоиков в периодике Университетского благородного пансиона (1779—1830). Наиболее ярко потенциал стоического наследия раскрыл себя в образовательной среде Университетского благородного пансиона, где нравственное воспитание дворянских детей было важнейшей целью. Влияние стоиков нашло своё конкретное отражение в периодике, которая там издавалась: «Распускающийся цветок» (1787), «Полезное упражнение юношества» (1789), «Утренняя заря» (1800—1808), «И отдых в пользу» (1804), «Каллиопа» (1815—1820) и др. Там были представлены и собственные сочинения воспитанников (стихи, проза, речи), однако преобладали всё же переводы с различных языков на темы религии, морали, истории, литературы. Представлена там была и философия, как новая, так и древняя: переводы фи-

³ Эти истории можно найти и в других журналах, например в «Московском Собеседнике» (Примеры 1806). Интересно, что хотя тексты, очевидно, имеют общий источник, вариант для детей мягче. Так, по «Детскому чтению» Клеанф «имел тупое понятие», а в «Московском Собеседнике» значится, что он «был туп, непонятен».

⁴ Впрочем, и остальные философские герои выступают не как представители школ, но как носители некоей добродетельной мудрости. Примечательно, что и в XIX веке будут попытки рассматривать поздних стоиков как мудрых людей, принадлежность которых к школе лишь сковывала их на пути к истине.

⁵ Считается, что Катон-младший являлся стоиком или же, как минимум, испытал сильное стоическое влияние. В его лице Поздняя Стоя нашла воплощение своего идеала.

лософских текстов древности и позднейших этюдов из европейских писателей на тему античной философии. Тексты эти показывают философов древности уже не столько в виде абстрактных, благонамеренных мудрецов, но являются содержательными и даже не лишёнными историко-философской ценности источниками по воззрению той или иной школы. Например, текст «Удовольствие» в издании «И отдых в пользу» достаточно корректно (а не в вульгарной интерпретации) излагает некоторые важные идеи Эпикура. Он содержит и пламенный призыв к читателю: «Молодой честной человек, который всегда удалялся разврата! Получи награду за твою добродетель, воспользуйся удовольствием. Ступай за мной в сады Эпикуровы; ступай слушать наставления сего любезного, почтенного учителя» (Лизогуб 1804, 52).

На этом фоне переводы стоических и стоицизирующих текстов, а также отсылки к стоикам занимают видное, если не сказать — ведущее, место. Например, в «Утренней заре» за 1801 г. находится перевод пространного (по меркам издания) и содержательного с историко-философской точки зрения фрагмента из «Слова похвального Марку Аврелию» А. Тома — «Беседа Марка Аврелия с самим собой». Тексту предшествуют примечания юного переводчика С. Родзянки, где тот отвечает критикам Тома в части стиля⁶, а в подстрочном примечании значится: «Известно, что *Марк Аврелий* оставил после себя сочинение “*От себя к себе*”; сочинение, дышащее самую высокую философией и чистейшей нравственностью» (Родзянка 1800а, 22). Для этой же книжки он перевел небольшой текст из трагедии Дж. Аддисона «Катонов монолог» (Родзянка 1800б). Привлекло внимание воспитанников пансиона и известное в то время в России произведение де Саля «Сон Марка Аврелия», где посредством фигуры Марка Аврелия примиряются платонизм, эпикурейство и стоическая философия (М.К. 1803). В «Утренней заре» мы находим сюжет, сравнивающий Марка Аврелия и Юлиана Отступника: двух государей — философов на троне. Не стоит и говорить, что сравнение проводится не в пользу последнего (Медведев 1808). Упомянем и перевод письма Брута к Цицерону, наполненный сильным республиканским подтекстом (Письмо 1808).

Содержательно представлены стоики и в текстах, прямо им не посвящённых, но затрагивающих актуальные моральные проблемы (Рассуждение 1789) или отсылающих к древней истории (Соковнин 1807). Так, в «Полезном упражнении» авторитетное мнение стоика приводится при обсуждении важного вопроса: должны ли наши нравственные стратегии строиться на твердой почве истинного знания или же допустимо действовать из заблуждения (мечтательности, воображения), если это даёт позитивные результаты?

⁶ Об этом переводе см.: Гаврилов 1993, 124–125.

«И для сего-то стоик к исполнению добродетели почитает совершенно ненужным убеждение и страсть; он хочет, чтобы правые поступки основывались токмо на истине и важной хладнокровной мудрости; стоик, коего глубокая система приобретает всегда глубокое почтение от испытующих оную» (Рассуждение 1789, 26–27). Встречаются также и отдельные упоминания и отсылки к философам Портика.

Однако наиболее основательно представлены стойки на страницах «Каллиопы» (1815—1820). Представляется, что это не было случайностью, а явилось результатом деятельности Ивана Ивановича Давыдова (1794—1863), знатока древних языков, одного из первых российских историков философии. В 1814—1826 годах он занимался педагогической деятельностью, а также состоял в должности инспектора в Благородном пансионе (Бородулина 2012, 48), принимая участие в обучении воспитанников изящной словесности. Это выразилось и в издании под его руководством вышеупомянутого сборника. Несомненны его глубокие симпатии к стоикам, что явствует из материалов «Опыта руководства к истории философии для благородных воспитанников Университетского пансиона» — учебника по философии, который был издан им в 1820 году. Высоко характеризуя древнее стоическое учение, Давыдов особенно останавливался на его месте в римской культуре, перечисляя имена не только Сенеки, который «с таким добрым чувством говорил о чудесах вселенной, о всемогуществе Промысла, о добродетели» (Давыдов 1820, 93), но и Сципиона, Леллия, Катона, Цицерона, Персия, Плиниев. Тацит у него также оказывается ревностным последователем Зенона, поскольку он высказывался против тирании: «Тираны, — говорит чувствительный историк-философ (т.е. Тацит — *Д.П.*), — сжигали лучшие произведения ума, думая, что сей пламень истребит и свободу Сената, и сладкие воспоминания Римского народа о славе и величии своем» (Давыдов 1820, 93). Также Давыдов подчёркивал роль стоической школы как завершительницы античного любомудрия: «Наблюдая судьбу времен, видишь, что мудрость пролила свет Портика, кажется, для того, чтобы после покрыть мраком человечество, которое большею частью любит покой и ненавидит усиленное напряжение способностей. <...> Падение Портика в Риме предсказывало падение всего здания философии» (Давыдов 1820, 94). Неудивительно, что эта позиция отразилась и на интересах юных воспитанников. В «Каллиопе» мы находим, прежде всего, переводы в стихах и прозе достаточно популярного в России на рубеже веков «Гимна Зевсу» Клеанфа (Чюриков 1816, Юшневский 1820). Появляется ряд переводных сюжетов, собранных из разных текстов Сенеки: «Краткость жизни» (Попов 1815), «Совесть» (Давыдов 1815), «Добродетель» (Дятлов 1817), «Твердость мудрого в несчастьи» (Гомзяков 1817). Стойки (Зенон и Катон)

фигурируют в отрывках из нравственных сочинений озаглавленных «Любовь к ближнему» (Чюриков 1815), «О правосудии» (Мансуров 1817) и др. Обращает на себя внимание также текст без указания источника или имени переводчика «Правила нравственности» (Правила 1817). Можно предположить, что это — авторские реминисценции из «Об обязанностях» Цицерона⁷. Об этом свидетельствует сама структура текста, разбитого на отделы об обязанностях (относительно к самому себе, к ближним, к Отечеству, к родителям), композиционные и понятийные параллели.

Закат Благородного пансиона был связан с выступлением декабристов, поскольку в своё время там учились более 60 участников восстания на Сенатской площади. Это вызвало закономерное недоверие к нему властей (Диссон 2005, 204). Любопытно, что декабристы, как показал М.Ю. Лотман, в быту отличались «римским поведением»: поведением, основанным на «римских добродетелях», а также на текстах, которые делали акцент на героизме древних. Им, например, было свойственно отрицать деление бытовой жизни на области службы и отдыха: заговорщики стремились превратить всю жизнь в служение (Лотман 1975, 61). В этом отношении замечателен эпизод из детства Никиты Муравьева: «На детском вечере у Державиных Екатерина Федоровна (мать Н. Муравьева, — Ю.Л.) заметила, что Никитушка не танцует, подошла его уговаривать. Он тихонько её спросил: “Maman, est-ce qu’ Aristide et Caton ont danse?” (Мама, разве Аристид и Катон танцевали?). Мать на это ему отвечала: “Il faut supposer qu’oui, a votre age” (Можно предположить, что в твоём возрасте — да). Он тотчас встал и пошел танцевать» (Лотман 1975, 62). Нельзя сказать наверняка, способствовало ли внимание к стоической философии в системе воспитания Благородного пансиона усвоению воспитанниками этого «римского поведения», однако соприкосновение с ней могло дать для этого нужную почву.

Книга К. Марта «Философы и поэты-моралисты во времена Римской империи» и её рецепция в периодике: педагогический аспект. Как указывают исследователи, примерно с 1825 и до 1870-х годов наметился спад интереса к римской литературе (См. Мочалова, Попов 2024, 392). Это важно, коль скоро стоические реминисценции по понятным причинам имели своим источником практически исключительно наследие римских стоиков. В этот период наше внимание привлекает публикация «Марк Аврелий и его мысли», появившаяся на страницах детского журнала «Семейные вечера» (отдел для

⁷ А значит, они напрямую связаны с положениями стоической философии: Gill 2023, 40–47.

старшего возраста) в 1865 году⁸. Журнал этот с 1864 по 1870 гг. издавался М.Ф. Ростовской и занимал особое место в корпусе отечественной детской периодики, хотя и подвергался критике со стороны педагогических кругов (Бирюкова, Стрижёв 2016, 242). Он был удостоен покровительства императрицы Марии Александровны, принят для чтения её августейших детей и рекомендован для гимназий, уездных училищ, женских учебных заведений императрицы и духовных школ.

Рассматриваемая нами публикация, хотя она не содержит ни источника, ни указания на авторство, идентифицируется как сокращенный перевод фрагмента из вышедшего в том же году на французском языке труда К. Марта «Философы и поэты-моралисты во времена Римской империи», где подробно разбираются жизнь и философия Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия. Такого рода работы, как отметят спустя четырнадцать лет критики её русского перевода, были новым явлением для российского интеллектуального пространства. Новизна эта нашла отражение и в публикации «Семейных вечеров». Последняя представляет собой биографию и очерк духовной жизни Марка Аврелия, который «принадлежал к секте стоиков, но отбросив всю гордость и преувеличенную строгость этого учения, <...> принял и применил к себе одну простоту и чистоту его» (Марк 1865, 585). Нравственное чувствование Императора, с одной стороны, было результатом длительной эволюции стоического духа от фанатизма к христианской кротости. Если Катон и Брут, хотя и выказывавшие твердость, были фанатиками, то уже у Сенеки и затем у Тразеи это ожесточение смягчается с тем, чтобы Император-стоик проповедовал своей философией и жизнью кротость, любовь и милосердие. Он — идеальный стоик, который, в некотором смысле, пошёл дальше холодного и сурового школьного учения⁹. С другой стороны, «язычник-царь» в

⁸ Отметим, что в 1870 году в «Семейных вечерах», на этот раз в отделе для младшего возраста, был напечатан фрагмент цикла «Детство великих людей Италии», посвященный Катону и братьям Гракхам. По своему стилю и содержанию он приближался к этюдам из «Детского чтения для сердца и разума», воспроизводя некоторые адаптированные для детей сюжеты из древней истории. Там отмечалось, что Катон сделался впоследствии необычайно суровым человеком, примером силы воли и строго нрава (Детство 1870, 131), а братья Гракхи «приняли горячее участие в общественных делах Рима и старались облегчить положение бедных» (Детство 1870, 134). Примечательно, что о стоическом влиянии можно говорить не только в случае Катона, но и римских братьев-реформаторов: в окружение Тиверия Гракха входил видный стоик Блоссий.

⁹ Само по себе стоическое учение удостаивается у Марта как высоких похвал, так и критикуется за абстрактность, сухость и т.д.

нравственном отношении оказывается некоторым образом достойнее просвещённого царя Соломона — предполагаемого автора некоторых книг Ветхого завета (Марк 1865, 592).

В целом в тексте заявлен отказ разбирать религиозные убеждения Марка Аврелия. Оказывается неважным, какому Богу он поклонялся. Важно лишь то, что «он возвысился до чистейших понятий христианского учения, как истинный последователь Христа, посвятил свою жизнь исполнению божественного закона и, так сказать, весь предал себя Богу и кротким добродетелям» (Марк 1865, 593).

Публикация перевода книги Марта в 1879 году, наряду с издававшимися в то же самое время переводами Г. Буассье, и последующее активное обсуждение в периодике внесли важный вклад в формирование устойчивого интереса образованной российской публики к стоикам. Одним из измерений этого интереса стало внимание к книге Марта со стороны ежемесячного журнала «Народная и детская библиотека» (1879—1880). В нём помещались рецензии на книги для детского чтения, заметки о торговле детской литературой, примерные каталоги книг для библиотек городских и сельских начальных училищ (Дементьев 1953, 600). В 1879 году в этом издании вышла интересующая нас рецензия филолога-классика Карла Ивановича Томазини. Он отмечал, что издатели книги оказали большую услугу и образованному российскому обществу, и учащемуся юношеству. «Мы уверены, — писал он, — что большая часть педагогов-классиков поспешит познакомиться с книгой г. Марта; её прочтут не без пользы и другие образованные люди, желающие составить себе более определённое понятие о язычниках, изучение которых считается необходимым в лучших христианских школах: но особенно приятно было бы видеть книгу эту в руках воспитанников высших классов гимназий» (Томазини 1879, 167). Труд Марта, по его мнению, может не только примирить некоторых из своих предполагаемых юных читателей с классиками, но даже сподвигнуть их на самостоятельное изучение этого предмета после окончания гимназического курса. Томазини обращал внимание, что в современной ему Германии такого рода книги раздаются «ученикам гимназий, в виде награды за хорошее учение, при переходе в следующий высший класс» (Томазини 1879, 167). Такую же практику с книгой Марта он рекомендовал ввести и в России. И если, например, близкие к Церкви авторы, хотя и подчёркивали образовательный потенциал книги Марта, выражали некоторую насторожённость (Мочалова, Попов 2024, 393), то педагог Томазини лишь отмечает в своем тексте интерес, который возникает, при виде

того, «как языческая философия всё более и более приближается к христианской морали и наконец, под пером Марка Аврелия, достигает самых пределов христианства» (Томазини 1879, 168).

Стоицизм как альтернативная христианству парадигма воспитания в концепции К. Гильти (по материалам журнала «Образование»). Наиболее содержательно вопрос о педагогическом потенциале стоической философии был рассмотрен в очерке известного швейцарского публициста К. Гильти «Мысли Эпиктета», опубликованном в 1893 году в журнале «Образование». Важно, что в этом тексте он подходит к проблеме применения стоической философии в воспитании юношества с теоретических позиций, предлагая концептуальное осмысление данной проблемы.

Гильти полагал, что существуют лишь два пути подлинного самовоспитания: христианский и стоический. Само же самовоспитание он определил как развитие живой, оригинальной личности в условиях, когда отсутствие таковых «с каждым днём становится всё более характерным признаком нашего времени» (Острогорский 1893, 229). Интересно, что автор, как кажется, ясно видел несводимость стоицизма к христианству: первый не есть *лишь* проповедника к христианским ценностям, некое предварение для их усвоения. По большому счету стоицизм здесь — альтернатива, и альтернатива крайне востребованная. Гильти замечает — и это, думается, вполне применимо к современному российскому обществу, находящемуся в поиске ценностных основ для своего существования — что хотя законы нравственности внешне почитаются и пользуются уважением, но не считаются обязательными. Весьма туманно и понимание истоков и обоснований этих нравственных законов. Дело обстоит так, писал Гильти, что некая мораль среднего человека, основанная на «общей цивилизации» и определённом правовом порядке, заменила собой внутреннюю нравственность. Такая культурная эпоха с большим количеством образованных людей не доставляет, тем не менее, подлинного благополучия ни отдельным людям, ни обществу в целом. «При таких обстоятельствах, — замечал Гильти, — более серьёзные люди стараются снова открыть заброшенные людьми *истинные* источники человеческого благополучия¹⁰, и таким образом, возникает философия стоического характера и новые религиозные учения» (Острогорский 1893, 230).

Делая в тексте необходимые реверансы в сторону господствующей религии, Гильти замечал, что главный её недостаток в том, что для неё нужно «осо-

¹⁰ Точно также, как сегодня всё большую популярность на Западе и в России набирает движение современного стоицизма.

бенное простосердечие, детская наивная натура, всё реже и реже встречающаяся у “сложных” людей XIX столетия» (Острогорский 1893, 230). Выступая за преподавание стоической философии в школе, он говорил о благотворном влиянии на юношей классического образования и классической философии, которая вырабатывает в человеке привычку к труду над собой, развивает силу воли и внутреннюю энергию. «[И]менно этой силы воли, энергии, — писал он, — часто недостаёт людям, не получившим классического образования. Отсутствие её придаёт даже самому христианству характер чего-то изнеженного, сентиментального, подчас даже жалкого» (Острогорский 1893, 257). В целом, у стоицизма, по мысли Гильти, есть ряд преимуществ: Во-первых, он говорит о возможности достижения посюстороннего счастья. Во-вторых, это счастье осмысляется как доступное для всех людей. В-третьих, в нём нет ничего сверхъестественного, и он не требует никакой веры. В-четвертых, обращаясь к здравому рассудку и неся в себе здоровый эгоизм, он всё же заботится о вещах более серьёзных, чем простой эстетизм, и более возвышенных, чем «хлебный вопрос»¹¹ (Острогорский 1893, 230).

Вероятно, редакция журнала «Образование» с большой симпатией отнеслась к образу мысли швейцарского моралиста, поскольку через год она издала на русском языке его стяжавшую большую известность книгу «Счастье. Популярные очерки нравственной философии». Вместе с тем редакция в примечании к статье попыталась смягчить пафос Гильти и указать, что тот слишком увлечен стоиками и уделяет им более внимания, чем они того заслуживают: бесконечная высота христианской морали не терпит наравне с собой никаких иных систем нравственности и воспитания. Конечно, некоторую роль в самовоспитании юношества стоики могли бы сыграть, но рассудочность, эгоизм и чёрствый характер стоицизма весьма ограничивают его потенциал (Острогорский 1893, 229).

Итак, анализ материалов отечественной периодики конца XVIII—XIX вв. показал, что сюжеты о стоиках, переводы стоических текстов публиковались в изданиях для детей, хотя и нельзя сказать, что они занимали там значительное место. Периодика Университетского благородного пансиона выступает тут исключением, которое может быть объяснено спецификой его образовательной системы, вниманием к древним языкам, влиянием некоторых наставников. По косвенным указаниям можно предположить, что интерес юных воспитанников к римским стоикам, свободно транслируемый через периодические издания, мог внести вклад в формирование у них идеалов «римского поведения».

¹¹ Здесь видна параллель с вышеприведённым рассказом А. Воробьевой.

Два случая осмысления возможности использования стоической философии в педагогических целях приходится на время резкого взлёта интереса общества к стоикам в последней четверти XIX века. Сама такая постановка вопроса могла бы показаться несколько несерьёзной, однако опыт Благородного пансиона показывает, что внедрение элементов стоического наследия в образовательный процесс как с целью поддержания интереса к древним языкам, так и в воспитательных целях, вполне осуществимо. И если К. Томазини, предлагая распространять среди учащихся литературу о стоиках, указывал на близость христианских и стоических идей как на довод в пользу последних, то К. Гильти видел стоическую философию как альтернативу христианской системе воспитания, поскольку усматривал кризис традиционной религиозности. В этом обосновании видится глубокая прозорливость автора, верно спрогнозировавшего процессы, которые мы наблюдаем сегодня, когда звучит мысль, что вопрос о востребованности практической философии эллинизма нередко сводится «к поиску спасительной духовной альтернативы» (Шахнович 2019, 104). Критические редакционные замечания к статье Гильти лишь подтверждают то, что он верно увидел проблему.

Представляется, что обращение к опыту использования (а также к осмыслению возможности такого использования) стоического наследия в системе образования дореволюционной России, могло бы внести вклад в решение проблемы поиска современным российским обществом духовных основ для образования и воспитания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ПЕРИОДИКА КОНЦА XVIII – XIX ВВ.

- “Благородному российскому юношеству” (1785) *Детское чтение для сердца и разума*, I, 1. Москва, 3–8.
- Гомзяков, А., пер. (1817) “Твердость мудрого в несчастии”, *Каллиона. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*. Москва, 261–264.
- Давыдов, В., пер. (1815) “Совесть”, *Каллиона. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*. Москва, 98–100.
- Давыдов, И.И. (1820) *Опыт руководства к истории философии: Для благородных воспитанников Университетского пансиона*. Москва.
- “Детство великих людей Италии. Марк Катон. Кай и Тиверий Гракхи” (1870) *Семейные вечера (отдел для детей)*, 8, 129–135.
- Дятлов, Н., пер. (1817) “Добродетель”, *Каллиона. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*. Москва, 219–222.
- “Зима” (1787) *Детское чтение для сердца и разума*, XII. Москва, 193–206.
- Лизогуб, Я., пер. (1804) “Удовольствие”, *И отдых в пользу, или Собрание сочинений и переводов в стихах и прозе. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*. Москва, 52–61.

- Мансуров, А., пер. (1817) “О правосудии”, *Каллиопа. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*. Москва, 228–235.
- “Марк Аврелий и его «Мысли»” (1865), *Семейные вечера*, 8, 585–594.
- Медведев, А., пер. (1808) “Томас. Юлиан и Марк Аврелий”, *Утренняя заря*, 6. Москва, 157–169.
- М.К., пер. (1803) “Сон Марка Аврелия”, *Утренняя заря*, 2. Москва, 115–133.
- Острогорский, А., пер. (1893) “Гильти К. Мысли Эпиктета”, *Образование*, 5–6, 229–259.
- “Письмо Брута Цицерону” (1808) *Утренняя заря*, 6. Москва, 34–44.
- Попов, Г., пер. (1815) “Краткость жизни”, *Каллиопа. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*. Москва, 63–65.
- “Правила нравственности” (1817) *Каллиопа. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*. Москва, 28–37.
- “Примеры великих людей, из истории: 1. Сократ” (1785) *Детское чтение для сердца и разума*, I, 10. Москва, 145–152.
- “Примеры чрезвычайной охоты к учению из древней истории” (1806) *Московский Собеседник*, 1, 170–174.
- “Примеры чрезвычайной охоты к учению. Из древней истории” (1785) *Детское чтение для сердца и разума*, II, 25. Москва, 186–192.
- “Рассуждение о допущении блудящих мечтаний при нравственном чувствовании” (1789) *Полезное упражнение юношества, состоящее в разных сочинениях и переводах, изданных питомцами Вольного благородного пансиона*. Москва, 22–27.
- Родзянка, С., пер. (1800а) “Беседа Марка Аврелия с самим собой”, *Утренняя заря*, 1. Москва, 22–53.
- Родзянка, С., пер. (1800б) “Катонов монолог с собой”, *Утренняя заря*, 1. Москва, 65–67.
- Соковнин, С., пер. (1807) “Об оракулах”, *Утренняя заря*, 5. Москва, 155–167.
- Томазини, К. (1879) “[Рец. на] Философы и поэты моралисты во времена римской империи. Соч. Константа Марта. Перевод М. Корсак. Издание К. Т. Солдатенкова”, *Народная и детская библиотека*, 6, 167–168.
- Чюриков, В., пер. (1816) “Гимн”, *Каллиопа. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*. Москва, 228–229.
- Чюриков, В., пер. (1815) “Любовь к ближнему”, *Каллиопа. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*. Москва, 162–167.
- Юшневский, С., пер. (1820) “Гимн Клеанта стоика”, *Каллиопа. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона*. Москва, 268–270.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бирюкова, М.А., Стрижёв, А.Н (2016) “Мария Федоровна Ростовская (1815—1872)”, *Литературоведческий журнал*, 39, 237–336.
- Бородулина, М.Г. (2012) “Деятельность профессора И.И. Давыдова в Благородном пансионе и Московском университете”, *Вестник МГУ. Серия 8: История*, 1, 44–53.
- Гаврилов, А.К. (1993) “Марк Аврелий в России”, *Марк Аврелий Антонин. Размышления*. Санкт-Петербург, 115–173.

- Дементьев, А.Г., Западов, А.В., Черепанов, М.С., ред. (1953) *Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник*. Москва.
- Диссон, Ю.А. (2005) “Московский университетский благородный пансион в системе народного просвещения России конца XVIII — первой трети XIX века”, *Труды XV ежегодной богословской конференции*, т. 2. Москва, 199–210.
- Лотман, М.Ю. (1975) “Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)”, *Литературное наследие декабристов*. Ленинград, 25–74.
- Мочалова, И.Н., Попов, Д.С. (2024) “Античный стоицизм в русской периодике XIX века: особенности рецепции”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 18, 387–409.
- Шахнович, М.М. (2019) “Эпикуреизм и стоицизм в современной практической философии”, *XI международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2019. Материалы конференции»*. Санкт-Петербург, 104.
- Gill, Ch. (2023), *Learning to Live Naturally. Stoic Ethics and its Modern Significance*. Oxford.

References (in Russian)

- Biryukova, M.A., Strizhyov, A.N (2016) “Mariya Fedorovna Rostovskaya (1815—1872)”, *Literaturovedcheskij zhurnal*, 39, 237–336.
- Borodulina, M.G. (2012) “Deyatel'nost' professora I.I. Davydova v Blagorodnom pansione i Moskovskom universitete”, *Vestnik MGU. Seriya 8: Istorija*, 1, 44–53.
- Gavrilov, A.K. (1993) “Mark Avrelij v Rossii”, *Mark Avrelij Antonin. Razmyshleniya*. St. Petersburg, 115–173.
- Dement'ev, A.G., Zapadov, A.V., Cherepanov, M.S., eds. (1953) *Russkaya periodicheskaya pechat' (1702—1894). Spravochnik*. Moscow.
- Disson, Yu.A. (2005) “Moskovskij universitetskij blagorodnyj pansion v sisteme narodnogo prosvesheniya Rossii koncza XVIII — pervoj treti XIX veka”, *Trudy XV ezhegodnoj bogoslovskoj konferencii*, t. 2, Moscow, 199–210.
- Lotman, M.Yu. (1975) “Dekabrist v povsednevnoj zhizni (bytovoe povedenie kak istoriko-psichologicheskaya kategoriya)”, *Literaturnoe nasledie dekabristov*. Leningrad, 25–74.
- Mochalova, I.N., Popov, D.S. (2024) “Antichnyj stoicizm v russkoj periodike XIX veka: osobennosti recepcii”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 18, 387–409.
- Shaxnovich, M.M. (2019) “Epikureizm i stoicizm v sovremennoj prakticheskoj filosofii”, *XI mezhdunarodnaya konferenciya «Teoreticheskaya i prikladnaya etika: Tradicii i perspektivy — 2019. Materialy konferencii»*. Sankt-Peterburg, 104.